

Сила колхозного звена

В переславском колхозе имени Сталина на ближних лугах сено уже убрано, косят за лесом. Утро ясное, тёплое. В лесу тишина. Пахнет ещё земляникой, но уже спеет черёмуха, в кустах красные брызги малины, как бусы на мху — костяника. Росой искрится луг.

Солнце блестит на косе. Впереди звеньевая Анна Серякова. Косит размашисто, чисто, идёт, и травы покорно ложатся к ногам. Следом за ней, взмах за взмахом косы, ровно идут её подруги — звено Анны Серяковой. Все светло-русые, сероглазые женщины, хороши они красотой русских лиц, широтой и плавностью движений. Почти все ровесницы, немолоды. Все матери — их старшие ребята тут же, сгребают, сушат сено. У всех у них мужья на фронтах.

Звеньевая прошла луг, наклонилась, пучком травы вытерла косу, точит её. За ней наклонились другие. Возникла простенькая, но совершенно особенная мелодия. Вдруг ритм прервался, раздались те же звуки, но неровные, сбивчивые. Звеньевая уловила их, распрямилась, вытерла концом платка со лба пот и пошла к Марье Новожиловой. Взяла у неё косу, наточила её ловко и быстро, отдала и сказала:

— Маша, все силы кладёшь, а коса тебя мучит. Вот теперь попробуй. Пойдём, встань за мной.

Марья Анисимова, шедшая до этого за звеньевой, отступила. Начали новый прокос. Анна Серякова, не останавливаясь, полуобернувшись, спросила Новожилову:

— Легче теперь?

И та, тоже продолжая косить, только кивнула и, стараясь равняться по звеньевой, пошла, не так высоко взмахивая косой, стала брать плавней и шире, и видно было, что ей легче теперь. Не отдыхая, проходили за рядом ряд. Стало жарко. Под солнцем тяжелей косить. Кто-то спросил у ребят, сгребавших сено:

— А на Гладком лугу звено ещё косит?

— Косят, — ответили те.

И женщины не остановились. Ни одна не захотела оставить работу раньше соседей. Это и имела в виду Анна Серякова, говоря, что звеном азартнее работается. «Звеном работаем под задор, — улыбнулась она, — каждая не хочет отстать, и все вместе не уступим второму звену».

Казалось, у этих соревнующихся женщин есть ещё и неписанный договор о высоком долге, о большом, связавшем их рабочем содружестве. И так не только летом, в уборку, а и весну всю, и зиму, и весь год.

Началось с поры, когда закрепили землю за звеном, и Анна Серякова, приглядываясь к каждой из своих подруг, сумела расположить женщин к себе. Узнала: своенравна, а жадна на работу Елизавета, безотказная работница Алёна, решила, что Марья Анисимова — помощник, опора и надежда. Её она и посылает вместо себя туда, где нужен глаз и порядок.

В звене сработались, сроднились. У Маши Новожиловой, как узнала она о гибели на фронте мужа, руки опустились. Сжалась она, как каменная, молчит, из рук у неё всё валится. Тужили вместе с ней, а потом бережно, ласково, как могли, отвлекали Машу, помогали ей, тянули её в работу.

Легче сообща работалось, словно силы одна у другой черпали, и крепло содружество звена. Потому ещё с прошлой осени колхозницы навозили на свои поля навоза «не сосчитать сколько» и берегли его, чтобы не сох, снегом прокладывали, вносили с толком, где реже, где чаще. Семена чуть не руками отбирали. Землю вспахали отлично. Бороновали так, чтобы ни одно зерно не оставалось не схороненным, не высохло и птицы его не склевали. Озимую пшеницу два раза пололи, а сортовую в третий раз пропальывали, когда она уже выколосилась.

Начиная сенокос, женщины звена Анны Серяковой уже знали: хороша их рожь, и яровые много лучше прошлогодних. Подсчитали, что могут собрать больше намеченного колхозным и бригадным планом, и тогда звено получит дополнительную оплату.

Последний день косили долго. И когда дед Лавр Сидоров выехал из леса со жбанами холодной ключевой воды для косцов — их уже не было. Ему пришлось проехать весь скошенный луг. Он, ухмыляясь в усы, только качал головой, не то удивляясь, не то одобряя. Женщин он увидел за кустами на другом лугу и крикнул им:

— Бабы, куда же вы ушли? Так к самому Борискову подойдёте...

— Ближе к фронту двигаемся, Лаврушка! — закричали ему в ответ женщины.

До фронта от них не близко, очень далеко. Но женщины всерьёз думают каждая о фронте, и общий разговор то и дело обращается к фронтовым победам.

Кончили сенокос, и рожь поспела. Жать пошли все. Вышла старенькая Настасья Ивановна Серякова и подрастающие девушки. Анна Серякова каждому отвела делянку. С ней согласились — уже знали, убедились — при сдельщине работа идёт дружнее.

Жать без звеньевой не начинали. Ей начинать. Так принято. А за ней пошли остальные, начали жать дружно, ровно.

Колхоз имени Сталина — в сельсовете Нагорном. Поля его на холмах, и отсюда видно синее чистое Плещеево озеро. Верно, таким же тихим утром сходил к берегу озера высокий светло-русый юноша Александр Ярославич — князь Александр Невский, принёсший славу России, оставивший память в веках о сплочении и мужестве русских.

И живёт это мужество в сердцах переславских женщин, поддержанное и умноженное их современниками, вновь ведущими Россию к победе.

Колхоз имени Сталина включает сёла Городище, Ягрнево, Красную деревню, Маурино, Никитскую и Троицкую слободы. — *Ред.*